

УДК 821.111(73)-32

**ЧЕРТЫ НАТИВИСТСКОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Н. ГОТОРНА 1830–1840-х ГОДОВ****Е.И. БЛАГОДЁРОВА***(Полоцкий государственный университет)*

Рассмотрены некоторые черты эстетики нативизма в малой прозе Н. Готорна, в частности описания природы и коренных жителей Америки. Готорн так же, как и многие другие американские романтики, описывал разнообразную природу своей страны, восхищаясь ее красотой и естественностью. Указывается на различие во взглядах Н. Готорна относительно индейцев и их наследия в разные периоды творчества. Показано, что в ранних рассказах писателя прослеживается скептическое отношение к романтизации индейской тематики, а в более поздних заметны мотивы идеализации естественной жизни и, соответственно, индейцев как людей, наиболее приближенных к ней. Автор приходит к выводу о том, что помимо исторической тематики, в малой прозе Н. Готорна присутствуют и другие, характерные для нативизма черты.

Введение. В период раннего этапа американского романтизма в литературе США преобладала тенденция к «открытию» и освоению Америки. История родной страны, коренные жители, живописная природа, жизненные уклады в различных регионах Америки оказались в центре внимания не только историков, этнологов и географов, но также и американских поэтов и прозаиков. Известный российский исследователь литературы США Ю.В. Ковалёв предложил обозначить данное культурное и литературное движение, включающее всестороннее изучение Америки, термином «нативизм» [1, с. 27] (производное от англ. слова «native», переводимого как «исконно присущий; природный; естественный»).

Расцвет нативизма в американской литературе приходится на 20–30-е годы XIX века, когда многие писатели вслед за В. Ирвингом и Ф. Купером, которые по праву считаются основателями и выдающимися представителями данного движения в романтической литературе Америки, стали описывать природу родной страны, жизненный уклад индейских племен, исторические события, морскую жизнь, быт поселений фронта. Нативисты стремились показать своеобразие природного и социального ландшафта Америки путем сбора, изучения, описания материала, мыслимого как специфически американский: от наследия доколумбовой эпохи до характерных современных черт, и тем самым создать национальную американскую литературу, не подражая европейским образцам. К данной группе писателей относится и Н. Готорн, который, хотя и считается представителем периода позднего американского романтизма, создал большую часть своих произведений малой прозы в 30-е годы XIX века (67 из 96) и внес свой вклад в развитие нативистской литературы.

Основная часть. Внимание к природе как источнику духовного и психологического обновления было одной из важных тем в романтизме. Американские романтики так же, как и британские, видели во взаимодействии с природой средство вернуться в состояние детской наивности, неиспорченности цивилизацией.

Следует отметить, что восхищение красотами природы не всегда было характерно для жителей Америки, их отношение к ней менялось с течением времени. Пуритане, к примеру, рассматривали дикую природу Америки как варварское, пугающее, враждебное по отношению к человеку явление. Уильям Брэдфорд, один из первых колонистов-пуритан, впоследствии губернатор Плимутской колонии, в «Истории поселения в Плимуте» («Of Plimoth Plantation») охарактеризовал окружающую их природу как «*a hideous and desolate wilderness, full of wild beasts and wild men. ... the whole country, full of woods and thickets, represented a wild and savage hue*» [2, р. 27] («*внушающая ужас, заброшенная, дикая местность, наводненная дикими зверями и дикарями. ... весь край, состоящий из лесов и зарослей, являл собой дикое, первобытное зрелище*») (здесь и далее при отсутствии ссылки на русское издание перевод наш – Е. Б.). В проповедях новоанглийских священников в середине XVII века часто звучала тема дикой природы как противопоставление возделанному саду или раю.

Однако к концу XVIII – началу XIX века отношение к природе кардинально изменилось во многом благодаря влиянию европейских идей. В частности, в Англии появилась работа Э. Бёрка (E. Burke) «Философское исследование о происхождении наших идей возвышенного и прекрасного» («A Philosophical Enquiry into the Origin of Our Ideas of the Sublime and Beautiful», 1757), в которой выдвигалось предположение о том, что, созерцая великолепие природных пейзажей (горных массивов, водопадов, бескрайних лесов и т. д.), человек испытывает сильные эмоции, в том числе и благоговейный трепет или чувство возвышенного («sublime»), которое есть не что иное, как проявление бесконечной божественной власти [3]. Таким образом, природа приобретала глубокий духовный смысл в сознании американцев, и они стали соотносить пейзажи своей страны с новым Эдемом.

Многие американские писатели и поэты воспевали величественную красоту природы своей родины, восхищались ее разнообразием и не считали ее угрозой и препятствием, которое нужно преодолеть, как в свое время полагали пуритане. Так, в предисловии к «Книге эскизов» («The Sketch Book») В. Ирвинг, описывая природу Америки, приводил в пример «... *her mighty lakes, like oceans of liquid silver; her mountains, with their bright aerial tints; her valleys teeming with wild fertility; her tremendous cataracts, thundering in their solitudes; her boundless plains ...; her broad, deep rivers, rolling in solemn silence to the ocean; her trackless forests where vegetation puts forth all its magnificence*» («... ее величественные озера, похожие на океаны из жидкого серебра; ее сверкающие горы; ее долины, изобилующие дикой растительностью; ее ошеломляющие водопады, грохочущие в своем одиночестве; ее бескрайние прерии; ее широкие и глубокие реки, в торжественной тишине катящие свои воды в океан; ее непроходимые леса, где буйство растительности проявляется во всем своем великолепии»), делая вывод о том, что «*never need an American look beyond his own country for the sublime and the beautiful of natural scenery*» [4, p. 24] («американцу никогда не понадобится искать величественные и прекрасные природные ландшафты за пределами своей страны»).

Для Н. Готорна, как и для других американских романтиков, было характерно трепетное отношение к американской природе. Одной из нативистских черт в его произведениях 30-х годов является описание природы, в основном Новой Англии, в разные времена года. Скетч Н. Готорна «Мое путешествие к Ниагаре» («My Visit to Niagara», 1835) дает наиболее полное представление о восприятии природы писателем.

Ниагарский водопад был одной из наиболее часто наблюдаемых достопримечательностей Америки в XIX столетии, посетители которого часто называли себя паломниками. Свой скетч Н. Готорн начинает с утверждения того, что «*never did a pilgrim approach Niagara with deeper enthusiasm, than mine*» [5, p. 244] («еще ни один паломник не приближался к Ниагарскому водопаду с большим воодушевлением, чем я»). Мнение о Ниагарском водопаде, как наиболее величественном и прекрасном творении природы, явлении, способном оказать глубокое влияние на посетителя и вызвать чувство благоговения, было довольно распространено в Америке XIX века [6]. Такое восприятие присуще и автору скетча: «*The golden sunshine tinged the sheet of the American cascade, and painted on its heaving spray the broken semicircle of a rainbow, Heaven's own beauty crowning earth's sublimity*» [5, p. 250] («Солнечный свет придал золотистый оттенок водному каскаду и окрасил водяную пыль полукругом радуги, небесная красота, венчающая земное величие»). Однако, по словам автора, не каждый может оценить и насладиться величием Ниагарского водопада, так как «... *the beholder must stand beside it in the simplicity of his heart, suffering the mighty scene to work its own impression*» [5, p. 247] («наблюдатель должен прийти с чистым сердцем, чтобы получить правильное впечатление о величественном пейзаже»). Готорн говорит о том, что человеку нужно отрешиться от земных проблем, тревог, суеты, чтобы ничто и никто не отвлекали от созерцания красоты природы. «*The solitude of the old wilderness now reigned over the whole vicinity of the falls. My enjoyment became the more rapturous ... the spot, so famous through the world, was all my own!*» [5, p. 250] («Безлюдность первобытной природы царил сейчас над всеми окрестностями водопада. Моя восторженность усилилась ... место, настолько знаменитое во всем мире, принадлежало лишь мне одному!»). Стремление к одиночеству роднило писателя с Р.У. Эмерсоном и Г. Торо, которые считали уединение одной из составляющей доверия к себе и необходимостью любой творческой личности. Любовь Н. Готорна к природе тесно связана с любовью к уединению, желанием удалиться от общества на некоторое время. Одинокие прогулки на лоне природы позволяли обрести гармонию и вдохновение. Детальные описания природы США, в зависимости от того, где жил или путешествовал писатель, пейзажи в различные времена года встречаются не только в опубликованных рассказах, но и в американских записных книжках Готорна.

Как уже упоминалось, для нативизма было характерно не только описание природы, но и жизненных укладов, нравов различных групп населения, в особенности коренных жителей. По словам Ю.В. Ковалёва «жизнь индейских племен ... являлась для американцев фактом национального бытия ... Художественное проникновение в мир ... индейцев было одним из важных направлений в нативизме» [1, с. 29].

В период поиска национального своеобразия в литературе американского романтизма был представлен как негативный образ индейца в противопоставлении с обычным американским жителем, так и положительный образ как исчезающий идеал естественной жизни и естественного человека. Обращение к «индейской» тематике давало возможность приблизиться к романтическому идеалу естественного человека, обладающего «*the physical beauty and strength, the pride and independence, and the pure and simple virtues of a life lived close to nature*» [7, p. 64] («физической силой и красотой, гордым и независимым нравом, а также живущих простой, непорочной жизнью вблизи природы»). Однако интерес к «индейской» тематике не ограничивался только изображением самих индейцев, в литературе периода романтизма нередкими были сюжетные мотивы, когда американцев связывали узы крови или брака с коренным населением, обоюдная симпатия и уважение, либо когда индейцы принимали беглецов из американского общества в свой круг [7, p. 59].

Также Н. Готорн не оставил без внимания «индейскую» тему, хотя и не затрагивал ее так глубоко, как, например, В. Ирвинг или Ф. Купер. В одном из своих ранних произведений «Скетчи из воспоминаний» («Sketches from Memory», 1835) писатель высказывает сожаление по поводу того, что «... I was shut out from the most peculiar field of American fiction, by an inability to see any romance, or poetry, or grandeur, or beauty in the Indian character, at least, till such traits were pointed out by others» [5, p. 343] («наиболее характерная тема американской прозы была закрыта для меня, поскольку я не видел какой-либо романтики, или поэтики, или величия, или красоты в характере индейца, по крайней мере до тех пор, пока на эти черты мне не указывали другие»). Индейская тематика, тем не менее, присутствует в его произведениях и, как отметила американская исследовательница М.Б. Мур (M.B. Moore) в работе «Сэйлемский мир Н. Готорна» («The Salem World of N. Hawthorne»), ее гораздо больше, чем принято считать среди исследователей, и даже больше, чем признавал сам писатель [8, p. 129].

Так, в своих американских записных книжках Н. Готорн помимо прочего комментировал вопросы, затрагивающие коренное население Америки, излагал свои наблюдения об индейцах, которых встречал, а также записывал идеи для будущих рассказов и скетчей. В одной из своих заметок он указал, что «Our Indian races having reared no monuments, like the Greeks, Romans, and Egyptians, when they have disappeared from the earth, their history will appear a fable, and they misty phantoms» [9, p. 169] («Наши индейские племена не воздвигли памятников, как в свое время сделали греки, римляне и египтяне. Когда они исчезнут с лица земли, их история будет восприниматься как легенда, а сами они – как плод фантазии»). Нетрудно заметить скептические нотки в словах писателя относительно индейцев, их прошлого и возможного будущего. Более того, в своих ранних рассказах (1830–1835) он, как в свое время первые колонисты-пуритане, указывает на жестокость и варварство индейцев. Так, в произведении «Рассказ старухи» («An Old Woman's Tale, 1830») у одного из персонажей на голове был шрам от индейского томагавка, в «Призыв Эллис Доун» («Alice Doane's Appeal», 1835) в результате резни, устроенной индейцами, юная Эллис и ее брат Уолтер остаются без родителей. В заключение описания жизненного пути Энн Хатчинсон в рассказе «Миссис Хатчинсон» («Mrs. Hutchinson», 1830) Н. Готорн с содроганием упоминает о гибели этой женщины и еще 14 человек от рук индейцев, которых он характеризует как «savage foe ... on the watch for blood» [5, p. 24] («дикарей ... жаждущих крови»).

В рассказах «Испуганный шарлатан» («Haunted Quack», 1835) и «Молодой Браун» («Young Goodman Brown», 1835) Н. Готорн отображает еще одну особенность восприятия первыми поселенцами пуританами коренного населения, а именно убеждения в том, что индейцы общаются с нечистой силой: «As the Indians propitiate the favour of the devil» [5, p. 57] («как индейцы ищут благосклонности у сатаны»), «... еще будет несколько индейских знахарей, которые на свой лад искусны в чертовщине», «Вперемешку со своими бледнолицыми врагами попались в толпе и индейские жрецы или знахари, умевшие держать в страхе родные леса силой таких заклинаний, каких не знает ни один колдун в Европе» [10, с. 62, 66].

Таким образом, можно заключить, что для ранних произведений Н. Готорна было характерно отображение преимущественно негативных черт индейцев, приписываемых им еще первыми пуританами Новой Англии, а также скептицизм относительно коренного населения, их наследия, способности видеть романтическое и величественное в данной тематике.

Однако эта тенденция во взглядах писателя просуществовала недолгое время. В рассказах второй половины 1830–40-х годов образ индейца все чаще используется в контексте романтического идеала жизни в гармонии с природой, писатель восхищается простотой и естественностью жизни индейских племен. Можно предположить, что изменение отношения писателя к коренному населению произошло частично благодаря его другу, Г. Торо, с которым он часто виделся в течение своей жизни в Конкорде, штат Массачусетс. Часть сведений об истории индейских племен, живших в свое время на территории Новой Англии, Н. Готорн узнал именно от Г. Торо, обладавшего богатыми знаниями о жизни индейцев Массачусетса. По словам писателя, Г. Торо «has a great regard for the memory of the Indian tribes, whose wild life would have suited him so well» [9, p. 354] («относился с большим почтением к памяти индейских племен, чья жизнь в естественных условиях подошла бы ему как нельзя лучше»). В предисловии к изданию 1846 года «Легенд старой усадьбы» («Mosses From an Old Manse») Н. Готорн неоднократно затрагивает тему индейского прошлого. Он упоминает Г. Торо как человека, открывшего для него новый увлекательный вид времяпрепровождения, а именно поиск предметов материальной культуры индейцев – наконечников стрел, обломков копий, глиняных черепков и др., очарование которых заключается, по мнению писателя, в их неповторимости в отличие от современной Н. Готорну продукции механического производства. Писатель отмечает, что такого рода находки «builds up again the Indian village, amid its encircling forest, and recalls to life the painted chiefs and warriors, the squaws at their household toil, and the children sporting among the wigwams» [5, p. 1129] («воссоздают индейскую деревню среди окружающего ее леса, воскрешают раскрашенных вождей и воинов, индианок, трудящихся по хозяйству, и детей, резвящихся среди вигвамов»). Писатель с некоторой долей грусти и сожаления говорит о давно ушедших временах и более естествен-

ной, приближенной к природе жизни коренных жителей. «*It can hardly be told, whether it is a joy or a pain, after such a momentary vision, to gaze around in the broad daylight of reality, and see stone-fences, white houses, potato-fields, and men doggedly hoeing, in their shirt-sleeves and homespun pantaloons*» [5, p. 1129–1130] («Сложно сказать, радостно или больно после такого мимолетного видения созерцать при свете дня окружающую действительность и видеть каменные изгороди, белые дома, картофельные поля и мужчин в рубахах и домотканых брюках, упорно возделывающих землю»). Вспоминая прогулки на лодке с У.Э. Ченнингом¹, Н. Готорн пишет о том, что это были «*happy times ... when we cast aside all irksome forms and straight-laced habits, and delivered ourselves up to the free air, to live like the Indians*» [5, p. 1138] («счастливые времена ... когда мы отбрасывали утомительные манеры и строгие порядки и всецело доверялись свободной атмосфере, чтобы жить, как индейцы»). Писатель символически ставит себя и своего спутника на место коренных жителей, отмечая, что «*The painted Indian, who paddled his canoe along the Assabeth, three hundred years ago, could hardly have seen a wilder gentleness, displayed upon its banks and reflected in its bosom, than we did. Nor could the same Indian have prepared his noontide meal with more simplicity*» [5, p. 1140] («Раскрашенный индеец, плывший на своем каноэ по реке Ассабет триста лет назад, вряд ли видел более естественную природную красоту на ее берегах и отражающуюся в ее глубине, чем мы. Также сомнительно, что он готовил свою полуденную трапезу с большей простотой»). Таким образом, Н. Готорн преодолевает временной разрыв между двумя культурами, выявляет общие черты и размышляет о романтическом идеале естественного человека.

В некоторых рассказах Н. Готорн описывал индейцев как «исполненных достоинства и величественных ... во всем их первобытном великолепии» [10, с. 171], «... *an Indian woman – a majestic and queenly woman*» [5, p. 1024] («индианка – величественная и царственная женщина»).

Поскольку для писателя было характерно правдивое изложение исторических событий, он не скрывает все то зло, которое колонисты причинили коренному населению. Готорн с сожалением говорит о знакомстве индейцев с алкогольными напитками в рассказах «Ручеек от городской водонапорной станции» («*A Rill from the Town-Pump*», 1835), «Старый форт Тикондерога» («*Old Ticonderoga*», 1836), «Главная улица» («*Main-Street*», 1849). В рассказе «Седой заступник» («*The Gray Champion*», 1835) он с горькой иронией описывает ветеранов войны с Королем Филиппом², которые «с благочестивой жестокостью жгли селения и убивали старых и малых, в то время как по всей стране праведные души помогли им своими молитвами» [10, с. 51]. Это историческое событие затронуто и в «Молодом Брауне», где сатана говорит, что именно он подал отцу Брауна «основную головню из собственного очага, которой он поджег индейское селение» [10, с. 59].

В рассказе «Главная улица» Н. Готорн демонстрирует последствия наступления цивилизации на дикую природу и естественного человека, показывает печальную судьбу индейцев и их культуры, исчезающей под натиском приезжих колонистов: «... *the wild woods, the wild wolf, and the wild Indian, will alike be trampled beneath it (heavy tread of white men)*» [5, p. 1028] («дикие леса, дикий волк и дикий индеец одинаково будут растоптаны ей (тяжелой поступью белых людей)»); «*The wild forest is shrinking back; the street has lost the aromatic odor of the pine-trees, and of the sweet fern that grew beneath them. The tender and modest wild-flowers, those gentle children of savage nature ... have shrunk away and disappeared... Gardens are fenced in, and display pumpkin-beds and rows of cabbages and beans*» [5, p. 1031] («Первобытный лес постепенно отступает; улицы потеряли благоухающий аромат сосен и папоротника, росшего у их оснований. Нежные и скромные дикие цветы, благородные отпрыски дикой природы ... уменьшились и исчезли... Вместо этого появились огороженные сады с выращиваемыми тыквами, посадками капусты и фасоли»).

Таким образом, можно отметить, что для Н. Готорна, как и для других американских романтиков, было характерно трагическое восприятие уничтожения природы вследствие вторжения цивилизации в ее границы.

Заключение. Говоря о чертах нативизма в малой прозе писателя, в первую очередь вспоминаются его произведения на историческую тематику, так как именно Н. Готорн был одним из тех, кто основал и развил жанр исторического рассказа. Однако его произведениям были присущи и другие аспекты нативистского повествования. К ним, в частности, относятся описания североамериканской природы, начиная от величественных, зрелищных пейзажей водопадов, гор, рек, океана, и заканчивая изображением более простых городских и скромных сельских ландшафтов преимущественно Новой Англии. Кроме того, в его

¹ Уильям Эллери Ченнинг (1780–1842) – американский писатель, один из основателей американского унитаризма.

² Война с Королем Филиппом (King Philip's War, 1675–1676) – война между частью индейских племен северо-восточной части Северной Америки, с одной стороны, и английскими колонистами Новой Англии и их индейскими союзниками, с другой.

произведениях присутствует также индейская тематика. Следует отметить, что в более ранних рассказах или заметках (1830–1835) писатель скептически отзываясь об индейцах, всеобщей увлеченности ими собратями по перу, либо описывает их в негативном свете, отображая взгляды первых колонистов-пуритан на коренное население. Однако в произведениях 40-х годов прослеживается тенденция к идеализации индейцев, естественной жизни в гармонии с природой, восприятию их как существовавшего в доколониальном прошлом, а ныне утраченного идеала естественного человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ковалев, Ю.В. От «Шпиона» до «Шарлатана»: Статьи, очерки, заметки по истории американского романтизма. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. – 260 с.
2. Merchant, C. *American Environmental History: An Introduction* / C. Merchant. – Lexington: Columbia University Press, 2013. – 464 p.
3. Бёрк, Э. Философское исследование о происхождении наших идей возвышенного и прекрасного; пер. с англ. / общ. ред., вступ. статья и коммент. Б.В. Мееровского. – М.: Искусство, 1979. – 237 с.
4. Phillips, J. *Romanticism and Transcendentalism (1800–1860). American literature in its historical, cultural, and social contexts* / J. Phillips. – New York: Facts on File, 2005. – 96 p.
5. Hawthorne, N. *Tales and Sketches* / N. Hawthorne. – New York: Literary Classics of the United States, Inc., 1982. – 1493 p.
6. Sears, J.F. *Sacred Places: American Tourist Attractions in the Nineteenth Century* / J.F. Sears. – Boston: University of Massachusetts Press, 1999. – 243 p.
7. Sullivan, Sh. *A Redder Shade of Pale: The Indianization of Heroes and Heroines in Nineteenth-Century American Fiction* / Sh. Sullivan // *The Journal of the Midwest Modern Language Association*. – Vol. 20, № 1 (Spring 1987). – P. 57–75 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.jstor.org/discover/10.2307/1314998>. – Date of access: 08.12.2013.
8. Moore, M.B. *The Salem World of Nathaniel Hawthorne* / M.B. Moore. – Columbia: University of Missouri Press, 1998. – 290 p.
9. Hawthorne, N. *American Notebooks: The Centenary Edition* / N. Hawthorne; ed. Claude M. Simpson. – Columbus: Ohio State University Press, 1973. – 480 p.
10. Готорн, Н. Избранные произведения: в 2-х т. / Н. Готорн. Т. 2; пер. с англ. А. Долинина. – Л.: Худож. лит., 1982. – 512 с.

Поступила 10.12.2013

FEATURES OF A NATIVE NARRATIVE IN EARLY N. HAWTHORNE'S WORKS

E. BLAGODYOROVA

The article deals with some characteristic features of a native narrative in N. Hawthorne's short works, nature description and portrayal of Indians in particular. N. Hawthorne as many other american romantic writers depicted diverse nature of his native land, admiring its beauty and naturalness. It is stated that N. Hawthorne had different views on Indians and their heritage in various periods of his creative work. In his early stories one can notice a sceptic attitude to romantization of Indian themes, but in works of later period there are themes of idealization of natural life and Indians as people close to it. In conclusion the author states that besides historical themes there are other, characteristic of a native narrative prose features in N. Hawthorne's short works.